

как России, так и других стран мира. Был выделен целый ряд вопросов, которые нуждаются в дальнейшем объективном изучении: 1) содержание понятий, связанных с крепостным правом; 2) сравнение российской модели крепостного права с феодальной и крепостной зависимостью крестьянства в других странах Европы; 3) роль крепостного труда в истории российской мануфактурной промышленности; 4) вопрос о кризисе феодально-крепостнической системы накануне 1861 г.; 5) сильные и слабые стороны реформы

1861 г., соотношение ее с последующей правительственной политикой. Артамонова выразила мысль о своевременности идеи о создании обобщающего труда по истории крепостничества в России, основанного на надежном источниковом фундаменте и новейших разработках российских историков.

В.Б. Перхавко,
кандидат исторических наук
(Отделение
историко-филологических наук РАН,
Институт российской истории РАН)

Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»

27 апреля 2011 г. состоялось первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» – совместного постоянно действующего проекта Центра аграрных исследований¹ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЦАИ РАНХиГС) и научного проекта «Народ и власть: история России и ее фальсификации»². В первом заседании семинара приняли участие ученые, представлявшие журналы, научно-исследовательские организации и вузы Москвы, Казани, Пензы, Тамбова. Внимание выступавших было сконцентрировано на анализе различных моделей решения аграрного вопроса, определении его места в истории, сопоставлении отечественного и зарубежного опыта аграрных реформ. На обсуждение участников были вынесены доклады главного редактора журнала «Российская история» А.Н. Медушевского и казанского историка-крестьяноведа Д.И. Люкшина.

Медушевский в докладе «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России» рассмотрел аграрный вопрос как теоретическую конструкцию, выражающую кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений. Решающим фактором инициирования реформ были не экономика и демография, а философско-этические соображения, связанные с моральной экономикой и нравственными основаниями распределения собственности. Роковой для судеб реформ оказалась ситуация правового дуализма – параллельного существования двух конфликтующих систем права – позитивного (отражавшего западные представления и насаждавшегося государством в интересах модернизации) и обычного (соответствовавшего порядкам общины с ее традиционализмом, коллективизмом, уравнительно-распределительными началами трудовой этики, противоположными принципам рыночной экономики). Представления о несправедливости распределения земли нарастали по мере юридического раскрепощения крестьян. Планка социальных запросов крестьянства оказалась выше его способности конвертировать новый правовой статус в рациональную экономическую деятельность. Радикальная интеллигенция развивала этот потенциал недовольства, не задумываясь о его деструктивных последствиях. В этом состоял «специфический российский феномен завышенных ожиданий», приведших к аграрной революции. Возможность революционного срыва превратилась в реальность в результате комбинации традиционалистского массового сознания (протестующего против позитивного права, не соответствующего обычно-правовым представлениям), авторитаризма политической власти (не допускающей изменения позитивного права и отношений собственности) и экстремизма радикальной интеллигенции (использующей конфликт позитивного и обычного права для достижения своих политических целей)³.

В докладе *Люкшина* «Вторая русская смута: каверзный ответ на ненайденный аграрный вопрос» прозвучал тезис, согласно которому вопрос этот (как проблема предоставления крестьянам земли) в России не существовал, поскольку не мог быть решен. Нехватка земли перестала быть злобой дня лишь после ликвидации крестьянства во второй половине прошлого

века. Аграрный вопрос носил искусственный характер, выступая в роли симулякра, к которому были стянуты претензии адептов освободительного движения. Российское государство, проводя реформы, исходило из реализации своих конкретных интересов. Главной причиной реформы 1861 г. было не альтруистическое стремление государя, а желание получить с крестьян деньги на модернизацию вооруженных сил (столыпинская же реформа – попытка второй раз ограбить уже ограбленного и уверить его в том, что это снова делается для его же блага). В целом реформа привела к коллапсу аграрно-социальной хозяйственной организации, который был преодолен только к началу второго десятилетия XX в. «Общинная революция» проходила в рамках оборонительных стратегий крестьянства, которые в патримониальной монархии облекались в форму агрессии.

В состоявшейся в ходе обсуждения докладов дискуссии, кроме самих докладчиков, приняли участие: профессор РАНХиГС В.В. Бабашкин, профессор Тамбовского государственного технического университета В.Б. Безгин, заведующий сектором Института научной информации по общественным наукам РАН А.В. Гордон, профессор РАНХиГС В.В. Зверев, профессор Пензенского государственного педагогического университета В.В. Кондрашин, доцент Московского университета МВД России и Российского государственного гуманитарного университета П.П. Марченя, директор ПАИ РАНХиГС А.М. Никулин; доцент Института гуманитарного образования С.Ю. Разин; профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Л. Рогалина; ведущий научный сотрудник Российского государственного архива экономики Т.А. Савинова.

Гордон отметил, что аграрный вопрос появляется не в Новое время, а известен с древности, став причиной движения Гракхов в Древнем Риме. В России он возник задолго до 1861 г. – обсуждался Уложенной комиссией еще в XVIII в. Проблема правового дуализма тоже не нова, поскольку коллизия писаного (римского) и обычного права (кутумы) существовала в средневековой Франции. *Рогалина* отметила новизну предложенной Медушевским трактовки аграрного вопроса и значимость вывода о проведении реформы 1861 г. без разрыва правовой преемственности с формулой социального компромисса. Столыпинская реформа также основывалась на компромиссном подходе, наличии выбора, многообразии форм собственности и последовательном закреплении прав новых собственников. По мнению *Бабашкина*, позитивные оценки реформы 1861 г. не учитывают того, как отреагировали на реформу сами крестьяне. Земельная аристократия утратила в их глазах моральное право на землевладение, поскольку пренебрегала своими морально-экономическими обязанностями. Это и стало главным горючим материалом революционных событий. *Кондрашин* также напомнил, что реформа 1861 г. заложила мину замедленного действия, взорвавшуюся в XX в. Крестьяне, несмотря на все усилия реформаторов, так и не признали частную собственность на землю, и видели в общине систему коллективной безопасности, спасавшую их от окончательного разорения и голода. *Савинова* не согласилась с Медушевским в том, что аграрный вопрос есть теоретическая конструкция, а его экономическая составляющая вторична. По ее мнению, хозяйство – категория прежде всего практическая, затем метафизическая, и только потом правовая. Она поддержала тезис о том, что процессы, протекавшие в общинах, имели собственное содержание, и напомнила о наличии альтернативы столыпинской модели аграрной модернизации, выраженной в идеях организационно-производственной школы. *Разин* высказал сомнение в эффективности столыпинской реформы в деле предотвращения революции. Она сама стала одним из факторов, приведших к революции. Не случайно первыми, кого весной 1917 г. пошли громить общинники, стали отрубники и хуторяне. *Марченя* выразил солидарность с Медушевским в признании важности психологической составляющей революции. Однако ее объяснение через ситуацию неразрешенного правового дуализма, которой воспользовались лишь «левые экстремисты», не делает, по его мнению, достаточно убедительным представление о том, что абсолютное большинство населения усилиями незначительной радикальной группы было увлечено не поиском Правды, а исключительно «разрушением позитивного права». *Безгин* отметил обоснованность постановки Медушевским проблемы правового дуализма и отметил важность выводов Люкшина о незакрепленности моралью вызванных реформой изменений в архитектуре моральной экономики. Этим и объясняется легкость, с которой были ликвидированы хозяйства хуторян и отрубников, и торжество общинной арханки в целом: аграрные преобразования вызвали к жизни механизм самосохранения общины. *Зверев* поблагодарил Медушевского за провокативную постановку вопроса, отметив актуальность проблемы соотношения права и морали и высказав убежденность, что и сегодня в российском массовом сознании справедливость выше закона. Наряду с этим он подчеркнул, что нельзя ограничиваться психологическими моментами и исключать из рассмотрения характер собственности и его влияние на право. Он выразил принципиальное несогласие с позитивной

оценкой реформы 1861 г., напомнив о ее спекулятивном характере и катастрофических последствиях в контексте моральной экономики.

Медушевский, отвечая на замечания участников семинара, еще раз подчеркнул, что аграрный вопрос предполагает осознание большей частью общества несправедливости распределения земли и возникает в связи с переходом от традиционного, сословного общества к индустриальному, гражданскому (основной принцип которого – равенство всех перед законом). Существовавший в Древнем Риме конфликт из-за распределения земли между плебеями и сенатской знатью не охватывал все общество. В эпоху Екатерины II аграрный вопрос в России не существовал в аутентичном смысле слова, применительно к этому времени целесообразно говорить лишь о крестьянском вопросе, о начале осознания передовыми мыслителями аморальности крепостного права. Аграрный вопрос как феномен общественного сознания появляется в Европе после Французской революции. А в России отделение аграрного вопроса от крестьянского происходит после 1861 г., когда формируется конфликт права и справедливости.

Люкин, комментируя состоявшееся обсуждение, подчеркнул, что в изучении аграрного вопроса и его роли в революции нельзя ко всем регионам России применять единый подход, без учета местных особенностей. Это положение он подкрепил конкретными примерами из истории Казанской губ., на материалах которой проиллюстрировал регионально-национальную специфику аграрного вопроса. «Общинную революцию» спровоцировало само государство, не желавшее понимать собственное крестьянство и цинично отказавшееся от вступления с ним в освященный исторической традицией «правильный» диалог по поводу поправленных прав.

Подводя итоги заседания, его ведущий *Никулин* уточнил, что при изучении аграрного вопроса следует иметь в виду противоречия, известные мировой истории издревле. Они существовали и в Римской империи, и в великих азиатских цивилизациях. И везде, если они не разрешались правовым путем, то приводили к беспорядкам, гражданским и крестьянским войнам. В таком смысле революция 1917 г. в России – одно из величайших событий в области разрешения аграрного вопроса. Не случайно изучение аграрного / крестьянского вопроса и русской революции намертво соединили в своих теоретических построениях и революционеры, и либералы, и консерваторы.

Таким образом, уже первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» выявило различные подходы к пониманию сущности аграрного вопроса, оценке реформы 1861 г. и столыпинских начинаний, интерпретации смысла российских революций и советской аграрной политики. В то же время участники оказались едины во мнении, что актуальность семинара обусловлена сохраняющейся крестьянской подоплекой многих современных процессов, вне осмысления которой адекватное понимание истории недостижимо.

П.П. Марченя,
кандидат исторических наук
(Московский университет МВД России и Российский
государственный гуманитарный университет),
С.Ю. Разин (Институт гуманитарного образования)

Примечания

¹ О центре подробнее см. на сайте РАНХиГС: <http://www.anec.ru/struktura-akademii/nauchnye-centry/47-cas>.

² О деятельности и публикациях в рамках этого проекта см.: <http://www.google.com/profiles/narodivlast>.

³ Подробнее см.: *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М., 2005; *он же.* Великая реформа и модернизация России // *Российская история*. 2011. № 1. С. 3–27.

Научно-практическая конференция «История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания»

1 декабря 2011 г. на факультете истории, управления и сервиса Московского государственного областного социально-государственного института (МГОСИ, Коломна) состоялась V Областная научно-практическая конференция «История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания». С 2003 г. такие встречи проходят регулярно (каждые два года), что свидетельствует об устойчивом научном и общественном интересе к региональной истории, в данном случае, к истории Московской обл. Специфика конференций в Коломне состоит в при-